

линным спискам, то увидим почти ту же самую картину по всем спискам.¹

Итак, и этот аргумент Н. К. Гудзия не выдерживает критики и отпадает.

Перед тем как перейти к рассмотрению остальных аргументов Н. К. Гудзия задержимся несколько на той справке, которую он дает в конце статьи „О перестановке...“. Н. К. Гудзий указывает, что „перестановка, о которой идет речь, кроме издания В. Н. Перетца, принята в некоторых новейших публикациях текста «Слова» [Л. А. Творогов. Примерный облик первоначального чтения „Слова о полку Игореве“. Новосибирск, 1944; А. К. Югов (изд. „Советский писатель“, 1945), Д. С. Лихачев (в малой серии „Библиотеки поэта“, 1949), А. И. Белецкий (в „Хрестоматіі давньої української літератури“, Киев, 1949), а также в стихотворном переводе „Слова“, принадлежащем Н. Заболоцкому (журн. „Октябрь“, 1946, № 10—11)]“.

Однако в статье 1951 года Н. К. Гудзий говорит о двух из перечисленных выше изданий „Слова о полку Игореве“: „Шагом назад, благодаря произвольным перестановкам и совершенно неоправданным конъектурам, является попытка реконструкции текста «Слова» Л. И. Творогова... и А. К. Югова“ (разрядка наша, — В. С.).² Что касается перевода Н. А. Заболоцкого, то из рецензии Н. К. Гудзия на юбилейное издание „Слова о полку Игореве“ ясно, что он рассматривает перевод Н. А. Заболоцкого, как вольное переложение поэта, далекое от подлинника. Четвертый из перечисленных Н. К. Гудзием авторов, а именно Д. С. Лихачев, отказался от перестановки, предложенной А. И. Соболевским, уже во втором своем издании древнерусского текста „Слова“, не объясняя, впрочем, в нем причин изменения своей точки зрения. Позже он указал, что „как бы убедительно ни доказывалась возможность перестановки, — возможность не есть еще ее необходимость. Текст «Слова» ясен и без этой перестановки, необходимости в ней нет“.³

В отмеченной же Н. К. Гудзием очень ценной во всех отношениях „Хрестоматіі давньої української літератури“ А. И. Белецкого также и во втором ее издании (1952 г.) принята перестановка с указанием, что „порушучи поширену традицію, переставляємо абзаци... щоб уникнути логічного розриву, який міг виникнути внаслідок помилки при опрацьованні рукопису“. Перестановка принята также в превосходном истолковательном (прозаическом) переводе Л. Е. Махновца, помещенном в сборнике „Слово о полку Игоревѣ в українських художніх перекладах и переспівах ХІХ—ХХ ст.“ (Изд. АН УССР, 1953).

После этих совершенно необходимых дополнений к справке Н. К. Гудзия перейдем к рассмотрению прочих аргументов Н. К. Гудзия. При этом рассмотрении, естественно, нельзя избежать длинных выписок из рассуждений и доказательств Н. К. Гудзия.

„В результате перестановки Яковлева—Соболевского—Перетца получается действительно логически последовательное и связанное чтение, нарушенное путаницей листов, — говорит Н. К. Гудзий. — Вслед за словами «Почнемъ же, братие, повѣсть сію отъ стараго Владимира до

¹ К подобному же выводу пришел, независимо от автора этой статьи, также и Д. С. Лихачев, который говорит еще более решительно, что перестановка противоречит соответствующему месту „Задонщины“; см.: Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Малая серия, изд. 3-е, Л., 1953, стр. 238.

² Н. К. Гудзий. Судьбы печатного текста..., стр. 48.

³ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1953, стр. 237—238.